

ПРИНЦИПЫ И КРИТЕРИИ ЛЕГИТИМНОСТИ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ

Н.С. Розов

РОЗОВ Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный университет. Для связи с автором: nrozov@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 24.05.2014. Принята к печати: 30.06.2014

Аннотация. В наступивший период глобальной турбулентности становятся более частыми и острыми социально-политические кризисы и конфликты, которые при успехе протестного движения получают статус революций. Всегда при этом возникают проблемы легитимности новой власти и режима. Поскольку классического веберовского различения недостаточно, предложена новая типология легитимности по субъекту (популярная, силовая, авторитетная, международная) и по основанию (фактическая, правовая, в том числе формально-правовая легальность и общеправовая легитимность). Обсуждаются принципы и критерии революционной легитимности: оправданность нарушения законов старого режима, условия перехода к вооруженному сопротивлению, роль и опасность провокаций, проблемы разрешения конфликта между революционным центром и не принявшей революцию мятежной провинцией (“Вандеей”). Показано, каким образом при недостаточности формально-правовых критериев используются общеправовые принципы и общезначимые — “базовые”, “минимальные” — гуманистические ценности.

Ключевые слова: легитимность, революция, революционная легитимность, мирные протесты, вооруженное восстание, мятеж, революционная власть, авторитарный режим, общезначимые ценности.

90

Революции происходили давно и недавно, назревают сейчас, явно не прекратятся в будущем.

Наступивший период глобальной турбулентности (начало которого можно датировать либо с терактов “9/11” 2001 г. в США, либо с мирового экономического кризиса 2008 г.) делает социально-политические кризисы и революции более вероятными и частыми явлениями. Революции в Грузии и Киргизии, “Арабская весна”, движения “Окупай” в США и Европе, гражданские войны в Ливии и Сирии, протесты в России 2011-2012 г., Украинская революция, продолжающиеся массовые уличные акции и беспорядки в Таиланде и Венесуэле — такого рода события и процессы будут продолжаться, а возможно, и нарастать в обозримом будущем.

Некоторые социально-политические кризисы приводят к смене власти. Если эти события сопряжены с массовыми движениями протеста, существенным изменением государственных и классовых структур, соответствующих правовых основ социального взаимодействия, то они квалифицируются как революции [Skocpol 1979; Goldstone 2009]. Есть большое разнообразие революций, которые можно разделять на “буржуазные” революции (среднего класса), “крестьянские” и “пролетарские”, “национально-освободительные”, “демократические”, “бархатные”, “революции сверху и снизу”, “исламистские”, “студенческие” и т.д.

Оставим за скобками классические (неконституционные) монархии и те политические движения, перевороты в монархиях, которые не ставят цель перехода к республиканскому строю, т.е. ищут легитимность не на демократических, электоральных, а на династических принципах.

Далее пойдет речь преимущественно о современных и будущих революциях, в большинстве своем направленных против авторитарных режимов, которые так или иначе имитируют демократическое устройство (с выборами, парламентом, широким избирательным правом и т.п.). Называть такие революции “демократическими” некорректно, поскольку новый режим далеко не всегда становится подлинно демократическим (недавние примеры: революции в Египте, Ливии, Грузии, Киргизии).

Поэтому остановимся на преднамеренно широком определении — *антиавторитарные революции*. В этом понятии содержится известная старинная максима: при подлинной демократии революция не нужна. Если же революция происходит, значит, поднявшие ее возмущенные группы и поддерживающие их массы не только не имеют, но и не могут получить реальных рычагов влияния на власть, реальных возможностей продвижения своих лидеров во власть, как это должно быть обеспечено в подлинной демократии. Далее рассмотрим только “успешные” — удавшиеся революции, которые привели к смене власти (мирным или насильственным путем).

Каждый постреволюционный режим сталкивается с острыми проблемами внутреннего и внешнего признания — легитимности¹. Наиболее общий смысл легитимности — это признание законности власти, признание ее права управлять на подведомственной территории: устанавливать законы, назначать руководителей, собирать налоги, распоряжаться бюджетом, принуждать, призывая в армию, судить и наказывать².

НОВАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ

Увы, типология легитимности по Веберу, кочующая из учебника в учебник (традиционная, харизматическая, рациональная), не релевантна для большинства современных исследовательских задач. Во-первых, значимые типы легитимности сейчас другие. Во-вторых, все они являются переменными: легитимность каждого типа повышается и понижается в зависимости от множества факторов. В-третьих, критерии каждого типа легитимности различны, а многие из них до сих пор остаются крайне смутными, требующими прояснения.

Рассмотрим два способа различения типов легитимности: по субъекту признания и по основанию признания. По признаку “кто признает власть” выделим следующие типы:

— *популярная (рейтинговая) легитимность* (лидера, партии, власти в целом, режима) — признание со стороны населения (в долях или процентах);

— *силовая легитимность* — признание со стороны аппарата принуждения, организованных вооруженных отрядов (полиции, армии, спецслужб), в той или иной мере готовых применять насилие в пользу держателей власти или претендентов на власть³;

¹ “Теперь легитимность становится признаком демократической организации власти, в противном случае говорят об узурпации власти, о ее нелегитимности, что, в свою очередь, ослабляет власть” [Мирзоев 2006: гл. 1].

² Ср. дефиницию М.Хеттиха: “легитимация — это признание со стороны общества правомерности политического господства” [цит. по: Мирзоев 2006].

³ Ср.: “Власть легитимна в той мере, в которой властитель (power-holder) на основе доктрин и норм, оправдывающих власть, может при необходимости апеллировать к иным резервным центрам силы, достаточным для утверждения эффективности его власти” [Stinchcombe 1987: 162].

— *авторитетная легитимность* — признание со стороны главных высоко-статусных институтов, воплощающих собой важнейшие мировоззренческие ценности и принципы в данном обществе; таковыми бывают либо церковь (в лице Папы, Патриарха, Имама, Далай-ламы и т.д.), либо высшая судебная инстанция (например, Конституционный суд);

— *международная легитимность* — признание ведущими державами и международными организациями, как региональными (например, Советом Европы), так и глобальными (прежде всего, ООН).

Каждый субъект признает в той или иной мере, либо не признает власть и режим, исходя из разных установок и соображений, которые могут быть обобщены и концептуализированы как основания легитимности. По признаку *оснований* выделим следующие типы:

— *легитимность de facto* — фактическое признание нахождения во власти лиц и групп, поскольку они достаточно продолжительное время осуществляют управление на территории (без постоянных мятежей, войн, геноцида). Так, в частности, международное сообщество смиряется с существованием непризнанных государств;

— *правовая легитимность de jure* — признание правомерности нахождения во власти лиц и групп на основе соответствия процедур их вхождения во власть принятым законам и общим правовым принципам.

Легитимность *de jure* следует разделить на два подтипа.

Формально-нормативная легальность — признание правомерности нахождения во власти лиц и групп на основе соответствия процедур их вхождения во власть *букве законов и других нормативных актов*, официально действующих в данный период в данном обществе. Формально-нормативная легальность соотносима с *позитивным правом* — принципом обязательности соблюдения писаных законов.

Общеправовая легитимность — признание правомерности нахождения во власти лиц и групп на основе соответствия способа их вхождения во власть неким *абстрактным правовым принципам*, а также *духу конституции страны*, основополагающих документов современного международного права. *Общеправовая легитимность* соотносима с *естественным правом* как неким моральным и юридическим идеалом, связанным с представлениями об объективных, неотъемлемых правах и свободах человека, а также с принципами равенства, честности, справедливости, гуманности, добровольности подписания договоров, обязательности их выполнения и т.д.

Не следует думать, что общеправовая легитимность является лишь отвлеченной идеей. Нюрнбергский суд, столкнувшийся с недостаточностью формально-нормативного принципа (нацисты ведь выполняли приказы, подчиняясь дисциплине в полном соответствии с присягой), ввел категорию “преступления против человечности”, трактуя человечность (гуманность) именно как воплощение общеправового принципа.

ПРАВОВАЯ ПРЕРЫВНОСТЬ ПРИ СМЕНЕ ВЛАСТИ И ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ

Вряд ли нужно обосновывать, что при успешной революции, включающей смену власти, *всегда* нарушаются те или иные законы, значит, имеет место правовая прерывность и ущерб в отношении формально-правовой легаль-

ности. Это означает, что для любой постреволюционной власти проблема ее легитимности стоит очень остро. Правовая прерывность — важнейший фактор делегитимации. Сама устойчивость новой власти более всего зависит от получения *силовой легитимности* (поддерживает ли революционеров-победителей армия и полиция), которая, в свою очередь, испытывает влияние *авторитетной легитимности* (позиции церкви, высших судебных инстанций, лидеров общественного мнения), *международной легитимности* (признания соседями и влиятельными державами) и *популярной легитимности* (поддержки широких масс).

Революционная смена власти далеко не всегда сразу приводит к стабильному новому режиму. Иногда период переворотов, гражданских конфликтов и войн, вкуче с международными войнами, сепаратистскими движениями, затягивается на десятки лет (например, Синьхайская революция, вспыхнув в 1911 г., только в 1949 г. завершилась установлением коммунистического режима в материковом Китае). Отвлечемся от революционной динамики и рассмотрим только вопрос оснований легитимности постреволюционной власти и нового режима.

Когда режим достигает устойчивости (без новых переворотов хотя бы на протяжении одного поколения — 20-30 лет), это уже означает обретение *силовой легитимности*, а также критического минимума *авторитетной* и *популярной легитимности*. В плане *международной легитимности* такие режимы обычно признаются другими государствами *de facto* (их не пытаются свергнуть путем вторжения, начинают торговлю и прочие взаимодействия). Признание *de jure* зависит не только и не столько от формальной законности (которая всегда была в какой-то мере нарушена), сколько от неправовых факторов: геополитических и экономических интересов. Этот аспект интересен в историческом плане и в теории международных отношений. Нас же здесь интересует философско-правовая сторона вопроса: каковы принципиальные основания признания постреволюционных власти и режима легитимными?

УРОВЕНЬ ОПРАВДАННОСТИ ПРАВОВОГО РАЗРЫВА

Первое, на что следует обратить внимание: насколько были оправданы сама нештатная (принудительная, насильственная) смена власти и соответствующее нарушение действующих законов? Установим следующий принцип: общеправовая легитимность революционной смены власти тем выше, чем менее легитимны прежние власть и режим. Дело здесь не в “перетекании” легитимности (подобно флогистону), а в том, что большие правовые нарушения прежней власти оправдывают политическую борьбу с ней.

Как же мерить легитимность? Здесь мы сразу сталкиваемся с опасностью соскользнуть к партийным, идеологизированным оценкам, которые всегда доминируют при политической поляризации в революционный период и надолго сохраняются. Ни массовая поддержка (*популярная легитимность*), ни внешнее признание (*международная легитимность*), ни, тем более, лояльность аппарата принуждения (*силовая легитимность*) не могут в данном случае служить критериями. Опирается следует только на *правовую легитимность*, но и здесь нас поджидают трудности.

В первую очередь, следует обратиться к *формально-нормативной легальности* — принципу позитивного права. Власть делегитимирует себя, когда

нарушает собственные законы, но не по пустякам, а в связи с правами и свободами граждан, с насилием и контролем над насилием. Если в конституции зафиксированы права граждан на мирные собрания, на свободу слова и печати, если действующими законами запрещено разгонять, избивать, задерживать мирных демонстрантов, тем более наносить увечья и стрелять в них, то власть, допускающая противоречащие этим нормам действия, не наказывающая тех, кто отдавал такие незаконные приказы, существенно себя делегитимирует.

При усугублении нарушений, которое выливается в откровенную войну против протестующих (многократные избиения и убийства), мятежи становятся уже не преступлениями, а реализацией *права народа на восстание*. Соответственно, при смене власти уровень легитимности революции и нового режима становится высоким, поскольку опирается на утерю легитимности прежней властью. Здесь необходимы следствие и состязательные судебные процессы, причем не только против представителей прежней власти, но и против тех участников, лидеров протеста, кто допускал неоправданное насилие (а для новой революционной власти предъявлять им претензии всегда крайне трудно).

ЛЕГИТИМНО ЛИ НАРУШЕНИЕ НЕЛЕГИТИМНЫХ ЗАКОНОВ?

В тоталитарных, откровенно авторитарных режимах, а также во многих имитационных демократиях (где подзаконные акты и практики государственного насилия существенно противоречат нормам конституции) законы издаются *репрессивные*, или *полицейские*, — полностью связывающие руки оппозиции и протесту и развязывающие их силовому аппарату принуждения. Режим действует вполне жестоко, беспощадно, но — “по закону”, а протестующие не то что не имеют права сопротивляться, но могут сесть в тюрьму только за “причинение нравственных страданий” охранникам или полицейским⁴.

В таких ситуациях опираться на формально-нормативный принцип уже нельзя. Зато остается принцип общеправовой, согласно которому полицейские законы могут и должны быть признаны нелегитимными. Трудность заключается в том, что, не будучи четко зафиксированным на бумаге (“позитивно”), общеправовой принцип имеет несколько расплывчатый характер, что делает апелляции к нему уязвимыми. Радикалы и погромщики с готовностью используют эту уязвимость, прикрывая свои неблагоприятные действия “протестом” против “ужасного кровавого режима” и его “несправедливых полицейских законов”.

Таким образом, непростая задача заключается в том, чтобы проплыть между Сциллой и Харибдой. В идеале, нелегитимные законы должны быть вначале опротестованы, например, через иски в Конституционный суд, в международные суды. Однако репрессивный режим обычно научается защищать себя от таких неприятностей: в Конституционный суд набираются только послушные судьи, а смельчаков, добирающихся до международных судов, всегда можно

⁴ “Правоохранительные органы, спецслужбы и внешнеполитическое ведомство лишаются легитимности не только из-за обвинений в том, что они выполняют липовые, произвольные законы. Главным становится обвинение в обслуживании правоохранительными органами интересов в верхушки власти, кланов и некоторых из олигархов, то есть в отступлении даже от плохих законов. Поскольку интересы эти своекорыстные, то и деятельность государственных органов нелегитимна. Понятно, что руководитель даже самого среднего уровня задумается о своей судьбе, получив ‘черную метку’ штурмующих власть, и в большей мере будет заботиться о себе, чем о выполнении закона” [Мирзоев 2006].

ущемлять и запугивать со многих сторон: от увольнения и закрытия бизнеса до избиений и угроз семье.

В этих условиях приемлемая форма опротестования нелегитимных законов — это публичное заявление в прессе и Интернете об их неправомерности с требованием их отмены, которое может быть и анонимным в случаях особо жестоких практик репрессивного режима. Если в этом заявлении убедительно доказано несоответствие полицейских законов либо конституционным нормам, либо международным документам о правах и свободах человека, либо общеправовым принципам, если в течение времени, достаточного для отмены закона (от недели до месяца), власть закон не отменяет, тогда действия протестующих, нарушающих этот закон, должны считаться легитимными, а репрессии против них — преступными.

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ОПРАВДАН ВООРУЖЕННЫЙ МЯТЕЖ?

Крайне острым и непростым является вопрос об оправданности применения оружия протестующими (повстанцами). Полный запрет на использование ими какого-либо оружия или его подобия в политической борьбе со стороны государств вполне понятен и оправдан: в его основе лежит классическая идея Макса Вебера о государственной монополии на легитимное физическое насилие в границах самого государства. Кроме того, в современной общественной и политической мысли протестного толка произошел явный крен в сторону дискредитации вооруженного революционерства (с такими героями и про-роками, как Троцкий, Ленин, Мао, братья Кастро, Че Гевара) и проповеди мирных акций сопротивления (а ля Ганди и Мартин Лютер Кинг), ярко воплощенной в популярной книге Дж. Шарпа [Шарп 2012].

Есть интересные и убедительные доводы (как эмпирические, так и теоретические) в пользу того, что мирный характер протестов ведет к гораздо более благоприятным последствиям в плане мирной смены власти, а также легитимности, устойчивости и демократичности постреволюционных режимов [Stephan 2008]. Главные аргументы в пользу сугубо мирных протестов таковы: «Во-первых, приверженность демонстрантов принципам ненасильственного сопротивления значительно расширяет потенциальную базу поддержки среди населения. Недовольные граждане охотнее участвуют в тех акциях, организаторы которых избегают провокаций и столкновений с полицией, стараясь тем самым не подвергать своих сторонников риску оказаться в следственном изоляторе и суде.

Во-вторых, использование насилия против мирных демонстрантов создает раскол между группами, поддерживающими действующую власть, снижает сплоченность элит, умеренная часть которых может начать сочувствовать либо открыто перейти на сторону оппозиции.

В-третьих, действующие власти охотнее идут на переговоры с движениями ненасильственного сопротивления, потому что лозунги последних редко содержат угрозу жизни и здоровью политических руководителей страны.

В-четвертых, ненасильственные протестные движения получают значительно большую легитимность как в глазах собственного населения, так и в глазах международного сообщества. Попытки же использовать насилие снимают ответственность и легитимируют ответное насилие со стороны властей. Международное сообщество реже вводит экономические и прочие санкции в отношении режимов, использующих оружие против насильственных протестов.

Наконец, продолжительные массовые акции вызывают сочувствие и поддержку среди силовых структур, представители которых сами хорошо видят проблемы, с которыми приходится жить обществу. Однако использование демонстрантами насилия, жертвами которого и становятся в первую очередь полицейские, ставит крест на подобных симпатиях и повышает готовность силовиков охранять статус-кво любыми средствами” [Трейсман, Соболев 2014].

Все эти аргументы представляются весомыми, они хороши как рекомендации для протестных движений и их лидеров. Но означает ли очевидное предпочтение мирного характера политического конфликта, что насилие и вооруженная борьба автоматически делают революцию и новую революционную власть нелегитимными?

Вообще говоря, трудно назвать страну, даже из числа “развитых”, “хрестоматийных” демократий, в истории которых не было бы вооруженного и насильственного захвата власти через революцию и/или сепаратизм.

Голландия появилась вследствие сепаратистской революции – отделения от Испанской империи. Великобритания ведет историю своей парламентской демократии от Славной революции, победу в которой обеспечило вторжение иностранной армии Вильгельма Оранского. США появились вследствие Американской революции – сепаратистского мятежа колонистов против Британской империи. Республиканская Франция ведет свою историю от кровавой Французской революции и нескольких потрясений – монархических и имперских реставраций, переворотов – в XIX в. Государственность современной Германии вообще была создана в условиях иностранной оккупации после страшной кровопролитной войны, обрушившей прежний тоталитарный режим.

СССР возник после двух революций и братоубийственной Гражданской войны. Удивительным образом он распался почти без жертв (трагические события в Баку, Карабахе, Сумгаите не были прямо связаны с распадом), но нынешняя государственность Российской Федерации и ее Конституция имеют фактическое начало в кровавом октябре 1993 г., когда полномочия президента было утверждено выстрелами по зданию парламента.

Как видим, насилие, вооруженные захваты власти и случаи вооруженного утверждения власти по-прежнему актуальны.

Разумеется, сегодняшние представления о (не)допустимости насилия и вооруженных восстаний более строгие, чем в историческом прошлом, однако смело можно предполагать, что в будущем кроме мирных будут и вооруженные, насильственные смены власти, особенно в репрессивных авторитарных режимах, подавляющих мирную оппозицию. Поэтому остается актуальным вопрос о критериях оправданности применения оружия и насилия протестующими.

Сформулируем общие принципы перехода протеста к формату вооруженного восстания, следование которым делает его оправданным (достойным последующей легитимации) настолько, насколько это вообще возможно:

–лучше всего обходиться без оружия сугубо мирными средствами (см. аргументацию выше);

–вооружаться допустимо только после исчерпания всех возможностей мирного протеста (массовые мирные уличные акции, забастовки, пикетирование зданий, перекрытия трасс и т.д.) и в ответ на серию акций неправового насилия со стороны государства (избиения, пытки, убийства), которые не расследуются и не наказываются; фактически в этих случаях государство ве-

дет с гражданами настоящую войну, поэтому решение протестующих о том, чтобы взяться за оружие, является актом самозащиты общества от преступного государства; в будущем решение вооружаться должно быть легитимировано, поэтому необходимо документирование преступных деяний режима;

— следует не провоцировать власть на применение оружия, а напротив, каждый раз “отставать на шаг” в радикальности политических действий, призывать власть и давать ей возможность перейти к мирному разрешению кризиса через компромиссы;

— вооружение протестующих не означает мгновенного перехода к стрельбе на поражение, сами по себе “ступени насилия” (угроза вооружения, угроза применения оружия, стрельба в воздух, стрельба из травматического оружия, стрельба по ногам) должны сопровождаться призывами вернуться в мирный формат переговоров и компромиссов;

— применять оружие на поражение можно только в ответ на жестокое и беспощадное применение оружия со стороны режима (расстрел протестующих с десятками жертв);

— наступательные боевые действия с целью разгрома сил режима и вооруженного захвата власти могут быть оправданы, только когда после десятков убитых власть не прекращает, а наращивает насилие с явной направленностью на массовое уничтожение протестующих.

ПРОБЛЕМА ПРОВОКАЦИЙ

Если строгие принципы применения оружия направлены на деэскалацию насилия, то реальные интересы как со стороны режима, так и со стороны протеста могут быть направлены противоположным образом: на радикализацию действий, стрельбу, кровь, жертвы.

Интерес власти в таких случаях состоит в дискредитации протеста как опасных беспорядков, экстремизма, для подавления которого уже можно и нужно использовать жесткую военную силу с приказами о беспощадном подавлении и уничтожении восставших (что теперь нередко получает имя “антитеррористической операции”).

Интерес в эскалации насилия со стороны лидеров протеста, групп и лиц, стремящихся к смене власти, состоит в “сожжении мостов” — в разрушении надежд и возможностей на мирные переговоры и компромиссы, в полной дискредитации режима, в мобилизации, подъеме еще более массовых протестов с установкой на насильственное свержение власти.

Работа по недопущению провокаций с какой-либо стороны, разоблачение провокаций, следственные действия — все это необходимо практически, но лежит за пределами философско-правовой сферы. Отметим только связь провокаций с (не)легитимностью. Победит ли в ходе противостояния власть (подавление мятежа) или победят восставшие (победа революции), в любом случае власть в стране будет заинтересована утвердить или получить легитимность.

Поскольку легитимность государства, прежде всего, определяется его способностью защитить жизнь, свободы и права граждан, т.е. эффективным контролем над насилием, действия по эскалации насилия (провокации) — это, пожалуй, чемпионы в плане *дискредитации и делегитимации заказчиков таких действий*. Данный принцип будет эффективен только, если он “проговорен” и известен сторонам конфликта, а также явным образом принимается субъек-

тами легитимации: международным сообществом, Конституционным судом, почитаемой в стране церковью, партийными лидерами и избирателями. *Риски быть пойманным на подготовке, допущении провокаций, ведущих к росту насилия, должны многократно превышать выгоды, которые сулят результаты провокаций.*

ПРИНЦИПЫ ЛЕГИТИМАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ

Свергнутая власть в авторитарном режиме, который пусть декоративно, но все же легитимировал себя через выборы и “волю народа”, была какое-то время вполне законной, признанной. Революционные обвинения этой власти в том, что она своими действиями (неоправданным насилием, убийствами) себя делегитимировала, никогда не бывают убедительными на все 100%. Встречные обвинения в незаконном захвате власти, в узурпаторстве и самозванстве всегда сопровождали и будут сопровождать революцию и революционную власть. Как же она должна действовать, чтобы получить и утвердить искомую легитимность?

Во-первых, необходимо по мере возможностей сохранять преемственность институтов власти (особенно Конституционного суда и парламента) до новых парламентских и президентских выборов.

Во-вторых, революционная власть легитимна, если она провозглашает необходимость подчинения действующим конституционным нормам и законам, сама их выполняет, оговаривая при этом, какие законы теперь признаются неконституционными (репрессивными, полицейскими), и ясно и юридически точно обосновывает отмену этих законов.

В-третьих, необходимо скорейшее объявление новых парламентских выборов. Недопустимо лишать избирательных прав какие-либо категории граждан, даже когда “революционное сознание” на это настроено (в отношении полиции, армии, спецслужб, чиновников), зато вполне приемлемо расширение избирательных прав (например, для женщин, малоимущих, этнических и религиозных меньшинств). Соответственно, все действия, направленные на организацию новых свободных и честных выборов должны считаться в правовом отношении оправданными и легитимными, а действия, направленные на срыв выборов — незаконными⁵. Именно новоизбранный парламент задает легитимацию всех остальных институтов, только он способен принимать такие деликатные, но часто необходимые законы о люстрации.

КРИТЕРИИ ЛЕГИТИМНОСТИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЗАКОНОВ

Назовем “революционными законами”, или “декретами”, все нормы и правила, установленные новой революционной властью до избрания нового парламента.

Проблема легитимности декретов особенно острая, причем не только из-за сомнительной легитимности субъекта-законодателя, но также из-за их чрезвычай-

⁵ Временное правительство в России 1917 г., как мы знаем, оказалось неэффективным, было свергнуто в октябре большевиками и левыми эсерами, однако в первом же документе от 3 марта основные принципы были вполне демократическими: свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек; отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны; замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления; выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Все это — существенный довод в пользу легитимности Февральской революции и нелегитимности Октябрьской.

чайного характера. Революция вынуждена защищать себя в обстановке общенационального хаоса и затаившихся реакционных сил, которые ждут удобного момента для реставрации прежнего режима и расправы над бунтовщиками.

Каждый закон включает шесть ключевых компонентов: 1) субъект-законодатель, т.е. орган, издающий закон, 2) содержание закона, 3) процедура принятия закона, 4) орган, контролирующий выполнение закона, 5) предполагаемая судебная инстанция, которая будет выносить решение в случаях обнаруженного нарушения закона, 6) орган, налагающий согласно судебному вердикту санкции на виновных.

Соблазн каждой революционной власти состоит в максимальном упрощении этой громоздкой структуры: законы издает исполнительная власть, ни с кем не согласуя и не заботясь особенно о процедурных моментах, в подчинении у этой структуры находятся и контролирующие органы, и назначенные суды, и силовой аппарат, готовый наказывать виновных. Действительно, ситуация кризисная, надежного аппарата и большого обученного персонала нет, оставшиеся от прежнего режима работники ненадежны. Отсюда – естественная склонность к “чрезвычайщине”, легко скатывающейся при обострении обстановки в прямой терроризм, яркие примеры которому дают не только классические Французская революция и Русская революция 1917-1918 гг., но также революции в Алжире, Вьетнаме, Камбодже, Никарагуа.

Придется смириться с тем, что *полной легитимности революционные декреты достичь не смогут*. Зато выполнение определенных правил может существенно повысить не только признание декретов – оправданность их в глазах политических сил и населения, но также эффективность их действия и легитимность самой революционной власти.

1. *Субъект-законодатель* не должен ни совпадать с верховным исполнительным органом (временным – до выборов), ни подчиняться ему. Оставшийся от прежнего режима парламент, конечно, обеспечивает формально-правовую легальность, но вполне может быть склонен к затягиванию, пробуксовке или даже саботажу, рассчитывая на скорую реставрацию или новую смену власти. Временный законодательный орган новой революционной власти должен быть небольшим, но с непременным участием опытных юристов, конституционалистов, представителями разных политических сил, пусть и с большинством коалиции победителей.

2. В идеале, *содержание новых законов* не должно противоречить нормам конституции и действующим законам (кроме откровенно полицейских и отмененных), соответствовать международным документам, базовым правовым принципам. Если же революционные вердикты ущемляют права и свободы каких-то групп населения, то необходимо четко затвердить временный характер таких норм (указать срок действия) и представить достаточные обоснования.

3. *Процедура принятия закона* должна быть свободной и добровольной (без давления и угроз). Кроме того, обсуждение законопроектов, касающихся интересов, прав, свобод какой-либо группы населения, непременно должно происходить с участием авторитетных в своей среде представителей этих групп.

4. Формирование, подчинение и ответственность контролирующего органа должны обеспечивать его приоритетное стремление следовать букве и духу закона. Это означает, с одной стороны, определенную автономию относительно верховного исполнительного органа, с другой стороны, подотчетность

временному законодательному органу (в будущем — избранному парламенту), а также ответственность за правомерность своих действий перед судом.

5. Наиболее сложная ситуация складывается с *судебной системой*, поскольку авторитарный режим, доведший страну до революции, обычно подминает под себя суды, которые становятся органами репрессий, а не правосудия. Однако в разных случаях судебная система имеет разную степень правовой и моральной деградации. Отстранив наиболее одиозных судей, известных своими несправедливыми приговорами, революционная власть может опереться на лояльных к революции судей, призывая их к новой — честной — игре. Такой подход уж точно менее опасен, чем создаваемые на месте “тройки” из юридически безграмотных лиц, пусть сколь угодно приверженных “делу революции”.

6. Не менее труден вопрос с исполнением наказаний, поскольку судебные приставы и тюремщики также были частью репрессивной системы прежнего режима. Тем не менее, смена руководства этих структур, введение новых правил, а главное — ответственность их перед судом, с возможностью предъявлять иски за злоупотребления, должны запустить процесс выздоровления и этой части государственного организма. Важный момент здесь состоит в том, чтобы аппарат исполнения наказаний не был в прямом подчинении верховной исполнительной власти: следует избежать соблазна последней расправляться с неугодными политическими оппонентами.

ТРИ ОСНОВАНИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ

Вернемся к самой общей проблеме: каким образом революционная власть может и должна преодолевать правовую прерывность и утверждать собственную формально-правовую легальность и общеправовую легитимность?

Представим ответ в виде трех слоев опоры. Если не удастся удержаться в первом, то нужно отступить во второй, если же обстоятельства настолько жесткие, что не выдерживает второй слой, то остается лишь надеяться на самый глубокий третий. Этот последний будем считать той твердой опорой, встав на которую, следует потом выстраивать вышележащие слои.

Первый слой — максимальная преемственность правовых норм и политических институтов при революционной смене власти. До избрания нового законодательного органа должны работать все ранее принятые законы, кроме отмененных или измененных временной революционной властью в соответствии с требованиями и критериями, приведенными в предыдущем разделе. В этот период не следует ломать или существенно трансформировать сложившуюся систему политических институтов. Многие персоналии, запятнавшие себя нелегитимными, преступными деяниями, должны быть освобождены от должности — опять же, желательно в соответствии с действующим регламентом. Замещающие их лица имеют статус исполняющих обязанности (“временное, или переходное, правительство”), причем лучше, если это не будут лидеры, претендующие на скорое избрание, — чтобы не быть потом обвиненными в узурпации власти.

Ясно, что такая выверенная преемственность практически не возможна в реальных революциях. Высшие должностные лица обычно отказываются от добровольной сдачи полномочий, парламент и высшие судебные инстанции также могут не признавать смену власти и бойкотировать революционеров, их претензии и требования. Если же смена власти произошла насильственным

путем, то взаимное отчуждение, ненависть достигают максимальной степени, а это перекрывает все возможности “гладко” обеспечить политико-правовую преемственность новой власти.

Отступление в данных условиях на второй слой опоры – это следование базовым принципам демократического государственного устройства и открытого правового общества. Сущность демократии составляют *коллегиальное разделение власти* и широкое (с XX в. – всеобщее) избирательное право [Collins 1999: ch. 4; Розов 2008; Розов 2011: 369-392]. Второй момент достаточно очевиден и должен быть реализован в постреволюционных избирательных кампаниях. Рассмотрим детальнее первый момент, поскольку соответствующий принцип пока еще малоизвестен.

Коллегиальное разделение власти – это коалиция автономных центров силы (сплоченных групп с разнообразными политическими ресурсами), которая, с одной стороны, препятствует авторитарной “вертикализации” государственного устройства, с другой стороны, действует солидарно и слаженно на основе постоянных обсуждений и принимаемых этими центрами процедур принятия решений (также через ограниченное единоначалие).

Каждый случай революционной смены власти во многом уникален, поэтому общих рецептов быть не может. Принцип коллегиального разделения власти позволяет указать на границы допустимых действий – на то, что делать нельзя.

Нельзя бороться за “чистоту” революционной политики, подавлять имеющиеся или возникшие во время конфликта центры силы, пытаясь полностью вытеснить их из политического поля. Одновременно нельзя допускать “двоевластия”, “многовластия”, анархии. Главный исполнительный орган революционной власти (в период до всеобщих выборов) должен пройти “по лезвию бритвы” между опасностью узурпации власти, диктатуры и опасностью соскальзывания к хаосу (который обычно завершается наиболее жесточайшей диктатурой).

Возможное решение – формирование малого временного законодательного органа (нечто вроде революционного Сената), в котором должны быть представлены все реальные политические центры с силовыми, финансовыми, организационными и медийными ресурсами, в том числе и представители свергнутой власти, признавшие ее преступления и желающие участвовать в переустройстве государства на новых началах. Временный исполнительный орган должен быть сформирован этим “Сенатом” и отчетываться перед ним. “Сенат” также отстраняет от должности дискредитировавших себя судей и собирает временный состав высшего судебного органа, который формирует судебную систему с самостоятельными судами, ответственными только за честное следование законам. Именно “Сенат” как коалиция центров силы должен выстроить иерархию избирательных комиссий, установить правила честности и открытости последующих всеобщих выборов законодательной и исполнительной власти.

Таким образом, во втором слое опоры революционной легитимности коллегиальное разделение власти (во временном законодательном органе – “Сенате”) должно сопровождаться обеспечением традиционного разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную даже в самый опасный и острый период между сменой власти и общенациональными выборами.

В это время наибольшей конфликтности и угроз постоянно возникают труднейшие, нестандартные ситуации, когда необходимо срочное принятие решения, но для этого не достаточно ни имеющейся формально-правовой базы (первый слой опоры), ни принципов коллегиального разделения власти и разделения властей (второй слой). Остается третий слой, суть которого состоит в приоритете защиты общезначимых ценностей, прежде всего жизни, прав и свобод человека и гражданина.

Речь идет о той самой “человечности” как основы вердиктов Нюрнбергского суда. В той же логике создавались базовые документы ООН, начиная с “Всеобщей декларации прав человека” 1948 г. Явная, честная, бескомпромиссная апелляция к нормам этого документа является пусть не абсолютной, но весомой гарантией признания оправданности политического решения, а значит, работает на повышение правовой, международной и авторитетной легитимности революционной власти, принявшей такое решение.

УСЛОВНАЯ “ВАНДЕЯ” – КАК ПОСТУПАТЬ С ВООРУЖЕННОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ?

Наиболее трудные вопросы возникают перед революционной властью, когда существенная часть общества, особенно локализованная в провинции, которую назовем условно “Вандея”, не признает новую власть, вооружается, стягивает и мобилизует силы защитников прежнего режима.

Попустительство, игнорирование этой угрозы может привести к поражению революции, реставрации свергнутого режима, последующему периоду реакции с жестокими репрессиями.

Однако силовое подавление контрреволюционного мятежа чревато массовыми жертвами (в том числе среди мирного населения), опасно тем, что делает силу привычным и “легитимным” способом решения политических конфликтов, а триумфатора силовой победы прямо ведет в бонапартистское кресло диктатора.

Следует различить две полярные идеально-типические ситуации. Мятеж вполне может быть навязан незначительным меньшинством, также с участием иностранной помощи. Остальное население “Вандеи-1” может быть инертным, неопределившимся или даже сочувствующим революции. Но бывают и противоположные ситуации “Вандеи-2”, когда практически все население привержено прежним власти и режиму, не воспринимает революцию, не желает подчиняться новым властям и готово отстаивать свою позицию с оружием в руках. Ясно, что стратегии в обоих случаях должны быть различны. Рассмотрим их, а затем уже перейдем к более сложному случаю “серой зоны”.

Задача нейтрализации “Вандеи-1” сводится к тому, чтобы локализовать очаги мятежа, всячески опираться в этом на поддержку местной власти, влиятельных групп и населения, блокировать мятежников, вести с ними переговоры о сдаче.

Заметим, что формально-правовые аргументы революционной власти без труда опрокидываются сходными аргументами лидеров “Вандеи-1”: захват власти был нелегитимен (что верно!), значит, подчиняться ей они не обязаны, а попытка силового подавления — это незаконная карательная операция узурпаторов.

Здесь на помощь приходит вторая опора. Правомерный порядок действий таков. Если жестокости мятежники не проявляют, их лучше всего блокировать

и вести мирные переговоры вплоть до новых выборов. А вот в случаях жестокого насилия со стороны мятежников, убийств, пыток, захвата заложников соответствующие доказательства следует представить в суд. Решение суда об аресте и возможном смягчении наказания при мирной сдаче донести до мятежников. И только при повторном отказе становится оправданной силовая операция, цель которой — арест или уничтожение теперь уже *обвиняемых*, с минимальным причинением ущерба мирным гражданам.

Приказ о силовой операции на основе решения суда принимает исполнительный орган, но поскольку вопросы о применении насилия при отсутствии полноты легитимности крайне трудны, правильно будет, если общий план, цели и срок операции будут утверждены “Сенатом”, в котором представлены главные автономные центры силы. Оставляя за собой такую привилегию, центры силы, с одной стороны, солидаризируются в своем решительном, но подчиненном праву и решению суда, образе действий, с другой стороны, обеспечивают себе безопасность на будущее, поскольку в постреволюционной ситуации слишком часто силовые структуры выходят из-под контроля или, подчиняясь одному центру, начинают подавлять остальные. Таким образом, вторая опора здесь приходит на помощь.

Увы, это не помогает в случае “Вандеи-2”. Никакой суд не объявит сотни и тысячи людей “обвиняемыми”. “Сенат” также вряд ли возьмет на себя ответственность за масштабную силовую операцию — фактически за начало гражданской войны. Исполнительная власть во главе с лидером может поддаться на неминуемые подталкивания к “решительным действиям”, что само по себе опасно: привычка к насилию имеет тенденцию закрепляться и расширять сферу действия.

Обращаемся к третьей опоре, где приоритетны жизнь, права и свободы граждан. Сразу же получаем критерий разделения мятежников — сторонников контрреволюции — на обвиняемых в неправомерном насилии и на мирных граждан. Однако в “Вандее-2” эти мирные граждане горой стоят за своих лидеров и радикалов, готовы защищать их своими телами или с оружием в руках.

Здесь возникает острейшая дилемма. Что должно быть главенствующим принципом действий: территориальная целостность государства или жизнь, базовые права и свободы граждан? Геополитика или гуманизм?

Из предыдущего рассуждения уже ясно, на какую сторону склоняется автор. Тогда усилим противную сторону. Допустим, “Вандея-2” расположена на особой священной земле (как Косово для сербов), имеет богатейшие природные ресурсы (как богатая нефтью Норвегия при отделении от Швеции), имеет единственный и необходимый выход к морю (как Черногория для тех же сербов). Иными словами, потеря занятой мятежом территории — большая и явная историческая, статусная, геополитическая потеря для государства. Что же делать?

Разумеется, начинать нужно с мирных переговоров. Искусство дипломатии заключается в том, чтобы игру с нулевой суммой превратить в игру с ненулевой суммой, или *win-win*, когда обе стороны выигрывают. Обсуждаться могут варианты широкой автономии, федерации, конфедерации и разделения государств, но с учетом интересов сторон, включая интерес новой революционной власти к ресурсам на мятежной территории.

Такого рода переговоры никогда не бывают легкими. “Вандея-2”, видя, что на нее не собираются сразу идти войной, может занять непримиримую сепаратистскую позицию, отрезая революционный центр от столь необходи-

мых ему ресурсов или от выхода к морю. Соблазн подавить мятеж и добиться желаемого силой велик, и редко кто в мировой истории от него отказывался.

Дипломатия обычно орудует “кнутом и пряником” – угрозами и предложением возможностей. С учетом приоритета жизни, прав и свобод на первом этапе угрозой может быть только объявление мятежной провинции вне закона, что чревато последующими неприятностями вплоть до силового “восстановления территориальной целостности”. Возможности же (“пряники”) – это предоставление автономии при наличии гарантий и приемлемых условий доступа центра к значимым ресурсам.

Рассмотрим худший (но вполне вероятный) вариант: переговоры зашли в тупик. Тогда верный путь – “замораживание” ситуации вплоть до выборов в центральные органы власти, причем мятежная провинция остается в статусе “вне закона”. Потом уже избранный и легитимный парламент должен решать, как с ней поступить: чем угрожать и что предлагать. Когда новое постреволюционное государство получает международную легитимность, оно может вступать в коалицию с другими государствами, и тогда арсенал угроз и возможностей существенно возрастает.

Допустим, все равно “Вандея-2” занимает непримиримую позицию. Решение добиваться своего войной – крайне опасное, неприятное, грозит не только большими жертвами, но и гнусностью братоубийства.

Наверное, здесь тот самый случай, когда приходится прибегать к прямой демократии – референдуму. Суть его в том, чтобы получить или не получить от граждан, населяющих подконтрольную новой власти территорию, одобрение на жесткий ультиматум “Вандея-2”: соглашаться на вариант отношений с доступом центра к значимым ресурсам провинции или ждать силового варианта достижения этого доступа.

Важно, что при отказе граждане дают согласие на силовой вариант путем голосования (увы, лучшего способа определения общей воли нет). А это означает, что согласны воевать, посылать сыновей, мужей и братьев на возможную смерть, что территориальная целостность, доступ к святыням, к особо значимым ресурсам или к морю для них настолько важен, что такие риски и жертвы они считают оправданными. Заметим, это свободное решение граждан. Они ведь могут и отказаться: жить в меньшей, более бедной, оторванной от дорогих святынь или от моря стране. Тоже вполне приемлемый выбор.

Что же в это время происходит с “Вандеей-2”? Мятеж против революционного правительства, которое не спешит с его силовым подавлением и сосредоточено на выборах, соблюдении правовых норм, свидетельствует, скорее, об авторитарном и реакционном настрое лидеров мятежа, а также немалой поддерживающей их части населения. Вместе с тем, первоначальное возмущение сменой власти, страх перед новой столичной властью обычно угасают, если не подпитываются. Так или иначе, лидерам и населению этой провинции тоже придется выбирать: либо соглашаться на какой-то мирный *modus vivendi* с революционным центром, либо воевать с ним.

Мирное разрешение кризиса при отделении мятежной провинции может повысить международную легитимность революционной власти, но, скорее всего, негативно скажется на ее силовой и популярной легитимности, поскольку потеря территории почти всегда воспринимается как геополитическое поражение и падение престижа.

Оптимально мирное разрешение при сохранении целостности страны, даже с предоставлением самой широкой автономии ранее мятежной “Вандее”.

Военный конфликт, тем более с эскалацией в кровавую и затяжную гражданскую войну — худший вариант во всех смыслах. Здесь при прочих равных побеждает центр (благодаря ресурсному и военно-организационному преимуществу), но возможна и победа “Вандеи”, если на ее сторону встает соседняя могущественная держава, вероятно, имеющая собственные интересы к подавлению революции и реставрации старого режима (реставрация правления Бурбонов посредством чужих штыков в 1814-1815 гг. вполне хрестоматийна).

Известная практика боевиков прикрываться щитом из мирных жителей, посылать их для блокирования и захвата боевых машин и танков, эффективна только для неопытных военных. Опытные же заранее предупреждают всех в округе, что означает военная операция, какие опасности несет и каков сигнал ее начала (ракета или сирена). После сигнала все действительно мирные жители должны разбежаться, прятаться по домам, а оставшиеся и, тем более, препятствующие войскам считаются противниками на поле боя.

Если оставить в стороне все внешние факторы геополитических, идеологических и корыстных интересов (увы, всегда значимых), то оправдание и легитимация победителя будет зависеть не только от характера военных действий (защита мирных жителей, нормальное обращение с пленными, исключение пыток и заложничества и т.д.), но также от аргументированности самого обращения к силовым методам, обоснованности соответствующих мотивов и правовых оснований, реальности попыток разрешить конфликт мирным путем.

В то время как для революционного центра вполне приемлемо “восстановление территориальной целостности”, “Вандея” с союзниками, вероятно, будут апеллировать к “восстановлению конституционного порядка”. Для легитимации последнего мотива также необходимы предварительные попытки мирного разрешения кризиса через предъявление требований к революционной власти, которые были бы, с одной стороны, конституционно обоснованными, с другой стороны, выполнимыми. Вообще говоря, в такие узкие рамки вписываются только новые общенациональные выборы, которые революционная власть, рассчитывающая на легитимацию революции, в любом случае обязана объявить и организовать. Если же мятежная провинция и ее могучие союзники делают все для срыва выборов, то тем самым они полностью подрывают к себе доверие и даже в случае военной победы не могут рассчитывать на международное признание.

Как всегда, хоть какая-то ясность действий на полюсах сменяется огромной сложностью и разносторонними опасностями в средней “серой зоне”. Так, в воображаемой “Вандее-3” часть населения инертна, часть — привержена мятежникам, часть — лояльна революционному центру, кроме того, все эти части не локализованы, а перемешаны. Здесь требуется максимально выверенная стратегия, включающая попытки переговоров, блокирование, пропаганду и силовые операции, причем с гибким реагированием на постоянно меняющуюся ситуацию.

Единственный принцип, который можно считать непреложным и в наибольшей мере способствующим последующей легитимации революционной власти — это последовательная защита мирных жителей, забота о них, вне

зависимости от их местонахождения и лояльности, лишь бы они не мешали оправданным и законным силовым акциям.

* * *

Политика — это, во многом, поиск и достижение легитимности как основания власти. Революционная политика не является исключением. Какие бы ужасы ни происходили во время революционного кризиса, рано или поздно победившая сила или коалиция сил будет озабочена своей легитимностью. Как мы видели, несмотря на неизбежную правовую прерывность, множество подводных камней и опасностей, есть достаточно солидная совокупность принципов и критериев обеспечения легитимности революционной власти, причем предпочтительно следование им с самого начала кризиса.

Основа же этих принципов и критериев — общеправовая и гуманистическая: общезначимые ценности [Розов 1998: 2.1] защиты жизни, прав и свобод человека и гражданина.

Мирзоев С. 2006. *Гибель права: легитимность в “оранжевых революциях”*. М.: Европа. 232 с.

Розов Н.С. 1998. *Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии*. Новосибирск: НГУ. 292 с.

Розов Н.С. 2008. Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России. — *Polis. Политические исследования*. № 5. С. 74-89.

Розов Н.С. 2011. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН. 735 с.

Трейсман Д, Соболев А. 2014. Может ли насилие помочь успеху протеста. — *Vedomosti.ru*. 06.03. Доступ: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/23649101/daniel-trejsman-anton-sobolev-mozhet-li-nasilie-pomoch> (проверено 03.07.2014).

Шарп Дж. 2012. *От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения*. М.: Новое издательство. 90 с.

Collins R. 1999. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford Univ. Press. 312 p.

Goldstone J. 2009. Rethinking Revolutions: Integrating Origins, Processes, and Outcomes. — *Comparative Studies of South Africa and the Middle East*. Vol. 29. No. 1. P. 18-32.

Skocpol Th. 1979. *States and Social Revolutions*. NY: Cambridge Univ. Press. xvii, 407 p.

Stephan M.J., Chenoweth E. 2008. Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict. — *International Security*. Summer. Vol. 33. No. 1. P. 7-44.

Stinchcombe A. 1987. *Constructing Social Theories*. Chicago, L.: The University of Chicago Press. 303 p.

DOI: 10.17976/jpps/2014.05.07

THE LEGITIMACY OF POSTREVOLUTIONARY POWER: PRINCIPLES AND CRITERIA

N.S. Rozov¹

¹*Institute for Philosophy and Law (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences). Novosibirsk, Russia*

ROZOV Nikolai Sergeevich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Institute for Philosophy and Law (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Novosibirsk State University. Email: nrozov@gmail.com

Received: 24.05.2014. Accepted: 30.06.2014

Abstract. Social political crises and revolutions become more frequent in the new period of global turbulence. All revolutionary powers and regimes sooner or late meet the problem of legitimacy. The classical Weber's division of legitimacy is insufficient, and a new typology of legitimacy is suggested on the basis of evaluating agent (the popular legitimacy, the legitimacy of coercive force, the authoritative legitimacy, the international legitimacy) and on the legal basis (the legitimacy *de facto* and *de jure*, the last one includes formal legality and general legal legitimacy). The principles and criteria of revolutionary legitimacy are presented and discussed: relation to illegitimate repressive laws, conditions for the transition to armed resistance, the problem of provocations, conflict resolution between revolutionary center and a counterrevolutionary province ("Vandea"). It is shown how the fundamental legal principles and values of general significance (basic humanistic values) are used for legitimating of revolution in situation of formal legacy deficiency.

Keywords: legitimacy, revolution, revolutionary legitimacy, peaceful protests, armed insurrection, rebellion, the revolutionary power, the authoritarian regime, values of general significance.

References

- Collins R. 1999. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford Univ. Press. 312 p.
- Goldstone J. 2009. Rethinking Revolutions: Integrating Origins, Processes, and Outcomes. — *Comparative Studies of South Africa and the Middle East*. Vol. 29. No. 1. P. 18-32.
- Mirzoyev S. *Gibel' prava: legitimnost' v "oranzhevyh revolyucijah"* [Death Of Law: Legitimacy In The "Orange Revolution"]. Moscow: Europe. 2006. 232 p.
- Rozov N.S. *Cennosti v problemnom mire: filosofskie osnovanija i social'nye prilozhenija konstruktivnoj aksiologii* [Values In The Problematic World: The Philosophical Foundations And Social Applications Of Constructive Axiology]. Novosibirsk: NSU. 1998. 292 p.
- Rozov N.S. Collegial Sharing Of Power And Conditions Of Phase Transition To Democracy In Russia. — *Polis. Political Studies*. 2008. No. 5. P. 74-89. (In Russ.)
- Rozov N.S. *Koleja i pereval: makrosociologicheskie osnovanija strategij Rossii v 21 veke Cennosti v problemnom mire: filosofskie osnovanija i social'nye prilozhenija konstruktivnoj aksiologii* [Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russian Strategies in 21-st Century]. Moscow: ROSSPEN. 2011. 735 p.
- Sharp G. *From Dictatorship To Democracy: A Conceptual Framework For Liberation*. N.Y.: New Press. 2012. viii, 138 p. [Russ. ed.: Sharp G. *Ot diktatury k demokratii: Strategija i taktika osvobodzenija*. Moscow: New Publishing House. 2012. 90 p.]
- Skocpol Th. 1979. *States and Social Revolutions*. N.Y.: Cambridge Univ. Press. xvii, 407 p.
- Stephan M.J., Chenoweth E. 2008. Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict. — *International Security*. Summer. Vol. 33. No. 1. P. 7-44.
- Stinchcombe A. 1987. *Constructing Social Theories*. Chicago, L.: The University of Chicago Press. 303 p.
- Treisman D., Sobolev A. Can violence help to success of protest? — *Vedomosti.ru*. 06.03. (In Russ.). URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/23649101/deniel-trejsman-anton-sobolev-mozhet-li-nasilie-pomoch> (accessed 03.07.2014).